

ИОСИФ БРОДСКИЙ
(1940-1996)

БИОГРАФИЯ ИОСИФА БРОДСКОГО 1940-1965 (25 лет)

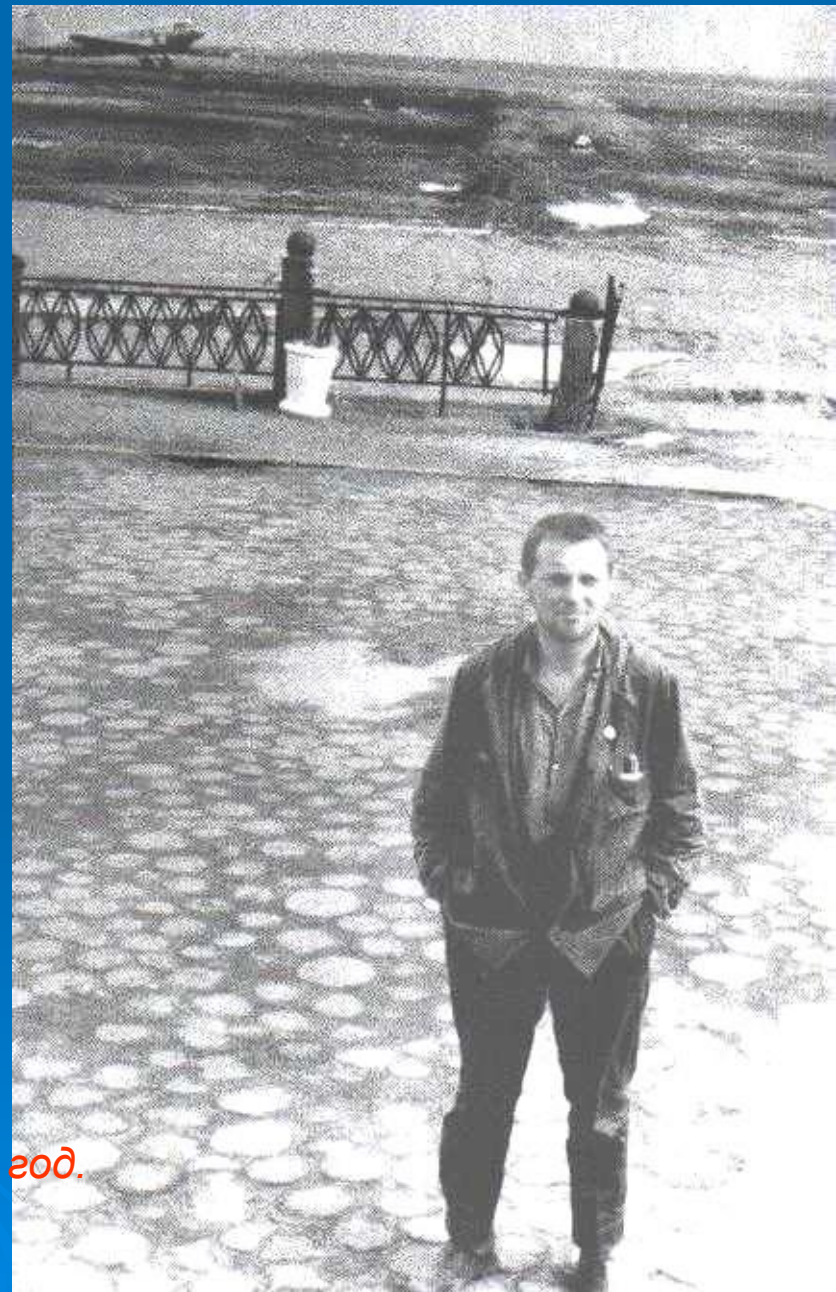
Иосиф Александрович Бродский – единственный ребенок в семье ленинградских интеллигентов – родил

Иосиф Александрович Бродский – единственный ребенок в семье ленинградских интеллигентов – родился 24 мая 1940 г. в Ленинграде. Отец, Александр Иванович Бродский (1903-1984), был фотографом-профессионалом, во время войны – военным корреспондентом на Ленинградском фронте, после войны служил на флоте (капитан 3-го ранга), мать, Мария Моисеевна Вольперт (1905-1983), во время войны в качестве переводчика помогала получать информацию от военнопленных, после войны работала бухгалтером. В 1955 семья Бродских переехала в большую коммунальную квартиру в Доме Мурузи на Литейном проспекте 24/27, и юный Иосиф постепенно отгородил шкафами в ней свое личное пространство, эти знаменитые "полторы комнаты", ставшие его кабинетом, спальней, местом приема гостей, значившие так много в становлении его характера и развитии самостоятельности и свободы мышления... О своем детстве Бродский вспоминал неохотно: «Русские не придают детству большого значения. Я, по крайней мере, не придаю. Обычное детство. Я не думаю, что детские впечатления играют важную роль в дальнейшем развитии».

Уже в отрочестве проявились его самостоятельность, решительность, твердый характер. В 1955 году, не доучившись в школе (ушел из 8 класса средней школы № 196 на Моховой), поступил работать на военный завод фрезеровщиком, выбрав для себя самообразование, главным образом, многочтение : «Начиналось это как накопление знаний, но превратилось в самое важное занятие, ради которого можно пожертвовать всем. Книги стали первой и единственной реальностью» (И.Бродский). Пожелав стать хирургом, начал работать помощником прозектора в морге госпиталя тюрьмы «Кресты»: «в шестнадцать лет я хотел стать хирургом, даже целый месяц ходил в морг анатомировать трупы» (И.Бродский). В 1956 г. впервые, как многие в его возрасте, попытался рифмовать. Л.Штерн вспоминает: «всерьез Бродский начал, по его словам, «баловаться стихами» с шестнадцати лет, случайно прочтя сборник Бориса Слуцкого»[4]». Первая публикация – в семнадцать лет, в 1957 г. («Прощай, / позабудь / и не обессудь. / А письма сожги, / как мост. / Да будет мужественным / твой путь, / да будет он прям / и прост...»). Пережил в юности сильное влияние Лермонтова. Часто менял места и виды работы (сочетания самые неожиданные – через восемь лет, в марте 1964 г. на суде (обвинение в туеядстве!) были озвучены 13 опробованных им профессий: фрезеровщик, техник-геофизик (по оценке Л.Штерн, 1959-1961 гг.; география – Якутия, Тянь-Шань, Казахстан, Беломорское побережье), санитар, кочегар, фотограф, переводчик и т.п.), пытаясь найти такой заработок, который оставлял бы больше времени на чтение и сочинительство: в геологической поездке в Якутске в 1959 г. он приобрел в книжном магазине том стихотворений Е.А.Баратынского в серии «Библиотека поэта», прочитав который, окончательно укрепился в желании стать поэтом: «Читать мне было нечего, и когда я нашел эту книжку и прочел ее, тут-то я все понял: чем надо заниматься. По крайней мере, я очень завелся, так что Евгений Абрамыч как бы во всем виноват» (по свидетельству Л. Лосева, Бродский всегда охотно читал наизусть большие отрывки из элегий Е.Баратынского "Осень", "Запустение" или "Дядьке-итальянцу"; вторым, после Баратынского, его любимым поэтом был другой поэт пушкинской плеяды – Петр Вяземский).

Интенсивно изучал новые языки (прежде всего – английский, польский), посещал лекции на филологическом факультете ЛГУ, изучал историю литературы, начал переводить (с начала 60-х гг. заключил договора с издательствами и работал как профессиональный поэт-переводчик), и непрерывно писал свои, оригинальные стихи – не пытаясь угодить социальному заказу, напрочь отвергая всяческую банальность, но дерзая непрерывно искать новую тему, свежие интонацию и звук, неожиданную (часто смысловую) рифму, сильный запоминающийся образ. Быстро оброс огромным количеством разновозрастных друзей («полтысячи знакомых», Л.Штерн), на которых обкатывал все свои новые «стишки, стишата».

На аэродроме в Якутске. Фото Якова Гордина. 1959 год.

В машинописных и переписанных от руки списках, из рук в руки, в среде читающей поэзию интеллигенции быстро распространялись замечательные, ни на чьи не похожие, отличавшиеся ранней зрелостью, зоркостью, узнаваемой индивидуальностью и резкостью письма, исповедальной открытостью, лирической пронзительностью, удивительным тончайшим мастерством огранки стихи и поэмы неведомого большинству ленинградца Иосифа Бродского – «Рождественский романс», «Шествие», «Пилигримы», «Стихи под эпитафией» («Каждый пред Богом наг...»), «Одиночество», «Элегия», «Теперь все чаще чувствую усталость...», «Романс», «Лети отсюда, белый мотылек...», «Гость», «Памяти Е.А. Баратынского», «Уезжай, уезжай, уезжай...», «Петербургский роман», «Июльское интермеццо», «Бессмертия у смерти не прошу...», «Закричат и захлопочут петухи...», «Стансы городу» («Да не будет дано умереть мне вдали от тебя...») и многие другие. На магнитофонных лентах так же стремительно своих благодарных слушателей среди студентов многочисленных вузов России находят легко запоминающиеся песни ленинградского барда Евгения Клячкина на стихи Иосифа Бродского (позднее много замечательных песен на стихи Бродского создаст московский бард Александр Мирзаян). Несмотря на отсутствие весомых публикаций, у Иосифа Бродского была скандальная для того времени широчайшая известность лучшего, самого известного поэта самиздата

Друг поэта Я.Гордин так охарактеризовал молодого Бродского в те годы: *«Определяющей чертой Иосифа в те времена была совершенная естественность, органичность поведения. Смее утверждать, что он был самым свободным человеком среди нас, – небольшого круга людей, связанных дружески и общественно, – людей далеко не рабской психологии. Ему был труден даже скромный бытовой конформизм. Он был – повторяю – естествен во всех своих проявлениях. К нему вполне применимы были известные слова Грибоедова: "Я пишу как живу – свободно и свободно"»*.

Поразительно, но при чтении стихов Бродского чувствовалось, что им тщательно и очень прочно усвоены уроки и открытия мастеров прошлого, более того, он отчетливо видел огромные области русского поэтического языка, практически не разработанные и не освоенные предшественниками и современниками, и взвалил на себя огромный труд быть здесь первопроходцем. Именно это знание (при наличии, конечно, огромного таланта, любви к русской и мировой литературе, поразительного поэтического чутья и вкуса, огромной внутренней работоспособности, дисциплине и ответственности) позволило ему творить с принципиальной установкой на новое качество стиха. «Бродский с самого начала взялся за трудные вещи. Он принял словесность как служение — а это совсем другое дело, чем “самовыражение”, охота за “удачами”, более или менее регулярное производство текстов и т.п.» (О.Седакова).

Ранний период творчества Иосифа Бродского чрезвычайно продуктивен: активно осваивая и усваивая лучшие образцы отечественной и зарубежной поэзии, он отчетливо сформулировал для себя принцип необходимости своего постоянного духовного роста и рецепт лепки индивидуального, легко узнаваемого поэтического шедевра: сжатость, мощь, новизна, содержательность, эзоповская иносказательность, афористичность, мастерство, гармония. Он рано осознал необходимость синтеза преемственности (русская поэзия XIX-XX вв.) и реформы русского классического стиха, выявления его новых выразительных возможностей. С грустью видел, что эти задачи подавляющему большинству современников не просто не по плечу, но даже неведомы: «Невозможно отстать. / Обгонять – только это возможно». Круг общения его очень широк, но чаще всего о стихах в 1960-1964 гг. он беседовал с такими же юными поэтами, студентами Технологического института Евгением Рейном, Анатолием Найманом, Дмитрием Бобышевым. Именно Рейн познакомил его с Анной Андреевной Ахматовой, уверенно выделившей Бродского из его окружения, одарившей его дружбой и предсказавшей ему блестящее поэтическое будущее (известен автограф Ахматовой на книге ее стихотворений (1961), подаренной Бродскому: «Иосифу Бродскому /чи стихи кажутся / мне волшебными /Анна Ахматова /28 декабря /1963 Москва).

Приблизительно в 1963>[8]> г. поэт впервые внимательно прочел Библию. Он вспоминал: «в возрасте лет 24-х или 23-х, уже не помню точно, я впервые прочитал Ветхий и Новый Завет. И это на меня произвело, может быть, самое сильное впечатление в жизни. То есть метафизические горизонты иудаизма и христианства произвели довольно сильное впечатление. Или – не такое уж сильное, по правде сказать, потому что так сложилась моя судьба, если угодно, или обстоятельства:

«Библию трудно было достать в те годы – я сначала прочитал Бхагавад-гиту, Махабхарату, и уже после мне попала в руки Библия. Разумеется, я понял, что метафизические горизонты, предлагаемые христианством, менее значительны, чем те, которые предлагаются индуизмом. Но я совершил свой выбор в сторону идеалов христианства, если угодно... Я бы, надо сказать, почаще употреблял выражение иудео-христианство, потому что одно немыслимо без другого. И, в общем-то, это примерно та сфера или те параметры, которыми определяется моя, если не обязательно интеллектуальная, то, по крайней мере, какая-то душевная деятельность».

В 1963 году обострились его отношения с властью в Ленинграде. «Несмотря на то что Бродский не писал прямых политических стихов против советской власти, независимость формы и содержания его стихов плюс независимость личного поведения приводили в раздражение идеологических надзирателей» (Е.Евтушенко).

29 ноября 1963 г. в газете «Вечерний Ленинград» за подписью А.Ионина, Я.Лернера, М.Медведева был опубликован пасквиль «Окололитературный трутень» на Бродского, где о нем и его ближайшем окружении было сказано, в частности, следующее:

«...Несколько лет назад в окололитературных кругах Ленинграда появился молодой человек, именовавший себя стихотворцем. <...> Приятели звали его запросто – Осей. В иных местах его величали полным именем – Иосиф Бродский. <...> С чем же хотел прийти этот самоуверенный юнец в литературу? На его счету был десяток-другой стихотворений, переписанных в тоненькую тетрадку, и все эти стихотворения свидетельствовали о том, что мировоззрение их автора явно ущербно. <...> Он подражал поэтам, проповедовавшим пессимизм и неверие в человека, его стихи представляют смесь из декадентщины, модернизма и самой обыкновенной тарабарщины. Жалко выглядели убогие подражательные попытки Бродского. Впрочем, что-либо самостоятельное сотворить он не мог: силенок не хватало. Не хватало знаний, культуры. Да и какие могут быть знания у недоучки, не окончившего даже среднюю школу? »

«Тарабарщина, кладбищенски-похоронная тематика – это только часть невинных развлечений Бродского. «...» еще одно заявление: «Люблю я родину чужую».

«Как видите, этот пигмей, самоуверенно карабкающийся на Парнас, не так уж безобиден. Признавшись, что он «любит родину чужую», Бродский был предельно откровенен. Он и в самом деле не любит своей Отчизны и не скрывает этого. Больше того! Им долгое время вынашивались планы измены Родине.»

« Кто же составлял и составляет окружение Бродского, кто поддерживает его своими «ахами» и «охами»? »

Марианна Волнянская, 1944 г. рождения, ради богемной жизни оставившая в одиночестве мать-пенсионерку, которая глубоко переживает это; приятельница Волнянской – Нежданова, проповедница учения йогов и всяческой мистики; Владимир Швейгольц, физиономию которого не раз можно было обозревать на сатирических плакатах, выпускаемых народными дружинами; <...> уголовник Анатолий Гейхман; бездельник Ефим Славинский, предпочитающий пару месяцев околачиваться в различных экспедициях, а остальное время вообще нигде не работать, вертеться около иностранцев. Среди ближайших друзей Бродского – жалкая окололитературная личность Владимир Герасимов и скупщик иностранного барахла Шилинский, более известный под именем Жоры.

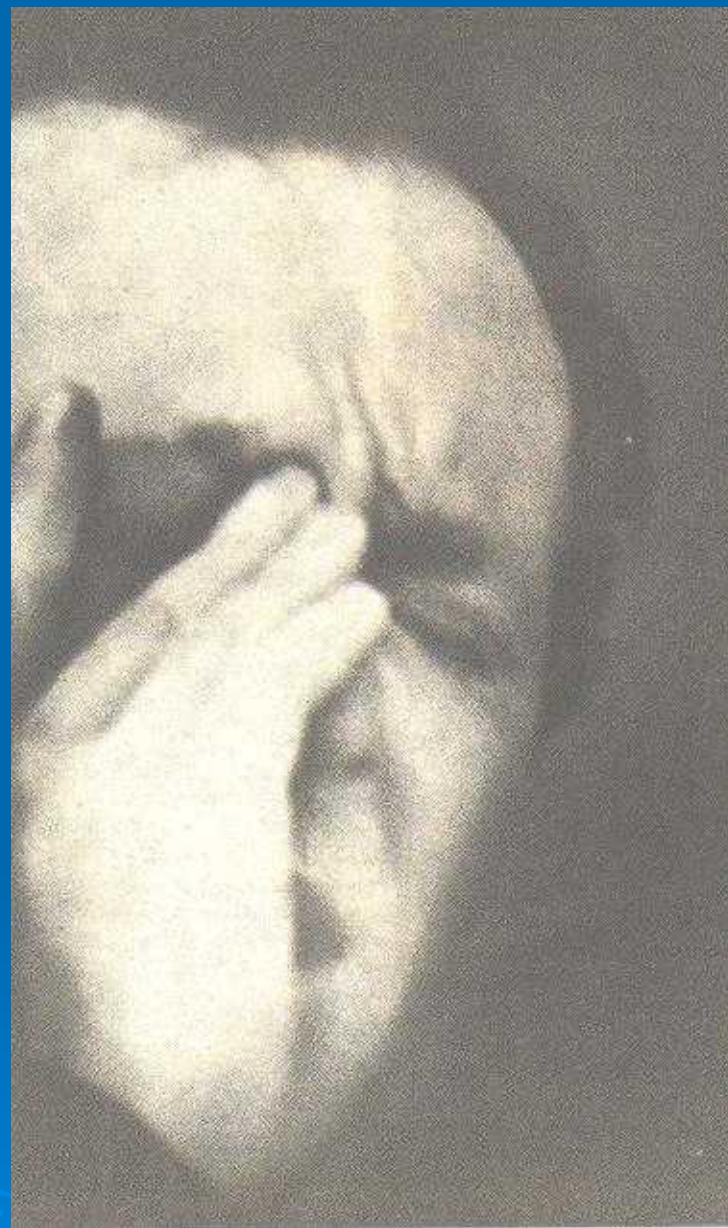
Эта группа не только расточает Бродскому похвалы, но и пытается распространять образцы его творчества среди молодежи. Некий Леонид Аронзон перепечатывает их на своей пишущей машинке, а Григорий Ковалев, Валентина Бабушкина и В.Широков, по кличке «Граф», подсовывают стишки желающим».

В конце статьи содержался прямой призыв к органам оградить Ленинград и ленинградцев от опасного трутня:

«Очевидно, надо перестать нянчиться с окололитературным тунеядцем. Такому, как Бродский, не место в Ленинграде. <...> Не только Бродский, но и все, кто его окружает, идут по такому же, как и он, опасному пути. <...> Пусть окололитературные бездельники вроде Иосифа Бродского получают самый резкий отпор. Пусть неповадно им будет мутить воду!»

Организованная травля разрасталась; оставаться в Ленинграде Бродскому было опасно; во избежание ареста друзья в декабре 1963 г. увезли поэта в Москву.

2 января 1964 г., в квартире переехавшего в Москву Е. Рейна на Кировской, Бродский узнал от Л. Штерн, что его невеста Марина Павловна Басманова (родители молодых с обеих сторон резко отрицательно относились к их встречам) встретила Новый год вместе с Д. Бобышевым на даче общих друзей Шейниных в Зеленогорске (под Ленинградом). Поэт, полный дурных предчувствий, срочно вернулся в Ленинград, где узнал о постельной измене невесты и низменном, бытовом предательстве своего друга. Известно, что он встретился с Д. Бобышевым и, после разговора, порвал с ним отношения навсегда.

Двадцатитрехлетний Бродский чрезвычайно тяжело пережил этот двойной гадкий удар от очень близких ему людей (возможно, исключительная сила этих переживаний, которые он выносил в себе, в значительной степени усугубила его сердечную болезнь, ставшую причиной его преждевременной смерти).

Вскоре его ждала другая беда: вечером 13 февраля 1964 года на улице Иосиф Бродский был неожиданно арестован.

После первого закрытого судебного разбирательства 18 февраля в районном суде на улице Восстания поэт был помещен в судебную психбольницу («психушку»), «где три недели подвергался издевательским экспериментам, но был признан психически здоровым и трудоспособным» (Л.Штерн).

Там он впервые глубоко осознает свою зависимость от пространства обитания, его форм и пропорций: *«Это самое важное – пространство, в котором находишься. Помню, когда мне было года двадцать три, меня насильно засадили в психиатрическую больницу, и само «лечение», все эти уколы и всякие довольно неприятные вещи, лекарства, которые мне давали и т.д., не производили на меня такого тягостного впечатления, как комната, в которой я находился. Здание было построено в XIX веке, и размеры окон были несколько... Отношение размеров окон к величине комнаты было довольно странным, непропорциональным. То есть окна были на какую-нибудь восьмую меньше, чем должны быть. Это доводило меня почти до помешательства...»*

СУД НАД ПОЭТОМ

Второй, открытый, суд (выездное заседание Дзержинского народного суда по делу И.А.Бродского, обвиненного в тунеядстве) состоялся 13 марта 1964 г. в помещении клуба 15-й ремстройконторы (Набережная Фонтанки, д. 22); протокол заседания опубликован Ю.Варшавским в 1998 г., но уже в 1964 г. широчайшую известность в России и за рубежом получила стенограмма заседания «Запись судебного разбирательства по делу И.Бродского», выполненная журналисткой и писательницей Фридой Абрамовной Вигдоровой. Решение суда – высылка на 5 лет с обязательным привлечением к физическому труду.

Ссылку поэт отбывал в Коношском районе Архангельской области, в деревне Норинской («В Норинской сначала я жил у добрейшей доярки, потом снял комнату в избе старого крестьянина. То немного, что я зарабатывал, уходило на оплату жилья, а иногда я одалживал деньги хозяину, который заходил ко мне и просил три рубля на водку» – И.Б.).

Изба и ее хозяйка - Таисия Ивановна Пестерева.
Здесь жил в ссылке один год и пять месяцев
в деревне Норинской Архангельской области
опальный поэт Иосиф Бродский.
Фото Иосифа Бродского, 1965 год.

Я.Гордин вспоминает: «Деревня находится километрах в тридцати от железной дороги, окружена болотистыми северными лесами. Иосиф делал там самую разную физическую работу. Когда мы с писателем Игорем Ефимовым приехали к нему в октябре шестьдесят четвертого года, он был приставлен к зернохранилищу – лопатить зерно, чтоб не грелось. Относились к нему в деревне хорошо, совершенно не подозревая, что этот вежливый и спокойный тунеядец возьмет их деревню с собой в историю мировой литературы».

Избу, в которую поселили Бродского, срубил в прошлом веке прадед хозяйки.

В комнате (четыре на пять шагов), где жил поэт, умещались только диван и стол. Стены обшиты широкими досками, пол – из грубых еловых плах. В окно видны кусочек главной деревенской улицы, избы напротив, за ними – луг и дальше – темная полоска леса. Хозяйка, Таисия Ивановна, вспоминала: «Послал его бригадир жердя для огорожи секти. Топор ему наострили. А он секти-то не умеет – задыхается, и все ладони в волдырях. Дак бригадир Лазарев Борис Игнатьевич стал Иосифа на легкую работу ставить. Вот зерно лопатил на гумне со старухами, телят пас, дак в малину усядется и, пока не наестся, не вылезет из малины. А телята разбрелись. Он бегом за ними. Кричу ему: не бегай бегом, растрясешь малину-то, я сейчас железиной поколочу, и телята вернутся все!»

Во время ссылки его навестили друзья – Е.Рейн и А.Найман, привезшие письмо от Ахматовой и сделавшие снимки опального поэта.

После примирения, в Норинскую к Бродскому приезжала М.Басманова, родившая в 1967 г. от него сына Андрея (несмотря на протесты Бродского, Андрей был записан в метриках Осиповичем с фамилией Басманов).

Л.К.Чуковская вспоминает, что, когда Бродского осудили, Ф.А.Вигдорова отправила ему в ссылку свою единственную печатную машинку.

Годы спустя в интервью Майклу Скаммелю на вопрос: «Как на Вашу работу повлияли суд и заключение?» Бродский ответил: «Вы знаете, я думаю, это даже пошло мне на пользу, потому что те два года, которые я провел в деревне, – самое лучшее время моей жизни. Я работал тогда больше, чем когда бы то ни было. Днем мне приходилось выполнять физическую работу, но поскольку это был труд в сельском хозяйстве, а не работа на заводе, существовало много периодов отдыха, когда делать нам было нечего».

Бродский на полевых работах в ссылке.

В ссылке он гораздо лучше осознал свои поэтические задачи и свое поэтическое кредо, не зная только, позволят ли ему реализовать свои возможности до конца: «И вот что я скажу Вам, Ирина Николаевна, напоследок: главное не изменяться, я сообразил это. Я разогнался слишком далеко, и я уже никогда не остановлюсь до самой смерти. Все как-то мелькает по сторонам, но дело не в нем. Внутри какая-то неслыханная бесконечность и отрешенность, и я разгоняюсь все сильнее и сильнее. Единственное, о чем можно пожалеть, что мне помешают сказать об этом всем остальным, – не будет возможности написать эти главные стихи. Но даже тогда – в этом сожалении – я буду знать, что я чист перед Богом (и перед землею), потому что я поступал так, как это нужно было небу. В общем, – я ни в чем на свете не виноват – ни духовно, ни нравственно. В первом я не сомневаюсь, а второе сумел искупить. И это во мне говорит не гордыня, а смирение, но смирение гор перед небом. Хватит с меня. Горе должно рождать не грусть, а ярость, и я яростен» (из письма И.Н.Томашевской, 19.1.65. Норинское).

В ссылке, в глухой деревушке Норинское, Бродский во всей полноте познакомился с творчеством английского поэта и проповедника Джона Донна в подлиннике, оказавшим огромное влияние на все его последующее творчество. Поэт вспоминал: «Самое интересное, как я достал эту книгу. Я рыскал по разным антологиям. В шестьдесят четвертом году я получил свои пять лет, был арестован, сослан в Архангельскую область, и в качестве подарка к моему дню рождения Лидия Корнеевна Чуковская прислала мне – видимо, взяла в библиотеке своего отца – издание Донна в "Модерн лайбрери". И тут впервые прочел все стихи Донна, прочел всерьез». Известны слова поэта о том, что Донн расширил его представления о поэзии, в то же время переводы из Донна стали для Бродского школой литературного мастерства, углубили его представления о выразительных возможностях строфики, позволили ему найти новые поэтические ритмы и интонации.

В 1965 г., под давлением мировой общественности, решением Верховного суда РСФСР срок высылки сокращен до фактически отбытого (1 год, 5 месяцев).

В 1965 г. в Нью-Йорке вышла первая книга Иосифа Бродского на русском языке «Стихотворения и поэмы». Поэт в 1972 г. отзывался об этом событии так: «Я очень хорошо помню свои ощущения от моей первой книги, вышедшей по-русски в Нью-Йорке. У меня было ощущение какой-то смехотворности произошедшего. До меня никак не доходило, что же произошло и что это за книга».

За период, который мы выделили в качестве первого в его биографии, двадцатипятилетний Иосиф Бродский написал с 1957 по 1965 г. свой первый том (460 страниц высокой поэзии) в вышедшем в Санкт-Петербурге шеститомнике. Даже если бы им ничего больше не было написано, он остался бы в истории русской литературы как неоклассик, романтик, постмодернист, чье творчество по таланту, совершенству, масштабу и новизне в XX веке было бы равновелико вкладу ранних Цветаевой, Ахматовой, Мандельштама, Есенина, Хлебникова, Маяковского, Пастернака... Но ему еще оставалось прожить такую же по длительности жизнь и сделать – в рамках того же шеститомника – в пять раз больше.